

ЧЕНСТОХОВСКАЯ ИКОНА БОГОМАТЕРИ КАК ПАМЯТНИК ВИЗАНТИЙСКО-РУССКО-ПОЛЬСКИХ СВЯЗЕЙ

А. И. РОГОВ

НЕ ТОЛЬКО в наше время, когда за рубежом возникли и возникают коллекции русских икон, но и в самую отдаленную эпоху русские иконы вызывали к себе интерес на Западе. Иконы привозились туда купцами и путешественниками, попадали как трофеи во время войн. Большие возможности в области собирания икон имелись у соседних с Россией государств, в первую очередь у Швеции и Польши (Речи Посполитой). Особенно это относится к Польше, ставшей наследницей значительной части древнерусских земель. Более того, именно с присоединением этих земель к Польше в ней заметно возросло почитание икон, как привезенных из Руси, так и создававшихся в подражание им. Совершенно исключительную судьбу среди них имела прославленная Ченстоховская икона Богоматери. Как показали новейшие изыскания, написанная скорее всего в технике энкаустики в Византии, видимо, около XII века, она попала в Галицкую Русь, а затем уже в конце XIV века в пределы Польши. Вокруг знаменитой святыни издавна возникали легенды, где исторические данные нередко смешивались с домыслами. В первой половине XV века сведения об иконе были собраны в Ясногорском монастыре в Ченстохове в особом описании ее истории¹.

В 1523 году в Кракове на латинском языке была напечатана книга Петра Рисинуса «Исполненная чудес прекрасная и поразительная история Образа Марии», излагавшая содержание упомянутого памятника XV века с небольшими новыми подробностями². «История» относит создание иконы еще к I веку и приписывает ее, как это было принято в отношении иконы Богоматери, евангелисту Луке. В Иерусалиме икона была обнаружена императрицей Еленой и оттуда, согласно легенде, перенесена в Константинополь императором Константином Великим, а уже там была «найдена» галицким князем Львом Даниловичем. Галицкий князь поставил ее в городе Белзе. В 1372 году Белзское княжество вместе со всей Червенной Русью перешло во владение опольского князя Владислава.

Едва ли требуют специального опровержения сведения о создании иконы. Как уже говорилось выше, они для этого достаточно графаретны. Вызывает и определенное

¹ См. о ней: S. Szafraniewicz. Jasna Góra. Studium z dziejów Kultu Matki Boskiej Częstochowskiej. — «Sacrum Poloniae Millennium», t. IV. Rzym, 1957.

² Risinus Petrus. Historia pulchra et stupendis miraculis referata imaginis Mariae... 1316 Kraków, 1523.

сомнение известие об «обретении» иконы в Константинополе Львом Даниловичем. У нас нет никаких данных ни о поездке Льва в Константинополь, ни о его особых связях с Византией. Гораздо более вероятным временем принесения иконы в Россию представляется вторая половина XII века. Галицкая земля поддерживает теснейшие и разносторонние связи с Византией. Именно в этот период на Русь привозят из Византии такие иконы, как «Владимирская», «Пирогощая». Непосредственно в самой Галицкой земле в этот период побывали, ища убежища, два византийских императора Андроник Комнин в 1166 году (правил в 1180—1185)³ и Алексей Ангел (правил в 1195—1203)⁴, которые вполне могли привезти с собой иконы и некоторые из них, в том числе и древнюю почитаемую икону, оставить как дар приютившей их земле.

Все это, однако, может быть, конечно, не более чем предположением⁵. Гораздо более конкретного материала дает «История» в дальнейшем своем изложении. Особого внимания заслуживает при этом рассказ о нападении на Белз татар и литовцев. Стрела одного из них попала в правую сторону иконы и тотчас наступила мгла, в которой враги перемешались⁶. Нетрудно заметить разительную аналогию между этой легендой и «Сказанием» о новгородской иконе «Богоматери Знамени»⁷. «Сказание» повествует об осаде суздальскими, смоленскими, рязанскими, муромскими и половецкими войсками во главе с сыном Андрея Боголюбского Мстиславом Новгородом в 1169 году. Это событие хорошо известно по новгородским летописям. Согласно «Сказанию», суздальцы святоотчественно пустили стрелы «яко дождь на град», когда на его стены была вынесена икона Богоматери. Согласно Псковской первой летописи, стрела попала и в саму икону Богоматери (суздальцы «застрелиша икону»⁸). В наказание за это «в той час покры их тма и начаша друг друга сеци и на смерть предавати»⁹.

Столь же разительно сходство повествования о перенесении Ченстоховской иконы из Белза в Ченстохову с русским рассказом о перенесении иконы «Владимирской Богоматери» из Вышгорода во Владимир, так называемое «Чудо в Боголюбове». Когда Владислав Опольский решил вести икону в Ополье, возок с ней чудесным образом остановился в Ченстохове, и Владислав воспринял это как повеление Богоматери поставить ее икону в этом городе. Точно так же, согласно Степенной книге, было при Андрее Боголюбском: сани, на которых он вез икону во Владимир, остановились в Боголюбове¹⁰. Правда, в дошедшей до нас редакции древнего «Сказания» о чуде «Владимирской» иконы, датированной по ряду признаков XII веком, этого эпизода не содержится, но, как справедливо полагает Н. Н. Воронин, этот пропуск относится именно к данной редакции, а не к самому памятнику. «Чудо в Боголюбове» имеет ряд особенностей, свидетельствующих о его не меньшей, чем «Сказание», древности, что отразилось и в Новгородской первой летописи¹¹. В данном случае буквального совпадения в обстоятельствах, связанных с перенесением двух икон,

³ Рассказ об этом см.: Н и к и т а А к о м и н а т. История, начинающаяся с царствования Исаака Комнина, т. I. СПб., 1860.

⁴ «История СССР», т. I. М., 1966, стр. 614.

⁵ Существует также мнение, впрочем, ничем не обоснованное, автора книги на русском языке «Ченстоховская икона Богородицы» (Вильна, 1881, стр. 10—11, 75), скрывавшегося под инициалами С. Н. А. С-в, о том, что икону привнесли в славянские земли Кирилл и Мефодий, получив ее в Константинополе от патриарха Фотия.

⁶ S. Szafranics. Op. cit., s. 25.

⁷ На это сходство недавно было указано польскими исследователями средневекового искусства Терезой Мрочко и Барбарой Домб. См. Tereza Mrocskoi, Barbara Dąmb. Gotyckie Hołobęgie Polskie. — «Sredniowiecze», t. III. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1966, стр. 24.

⁸ «Псковские летописи», вып. I. М.—Л., 1940, стр. 10.

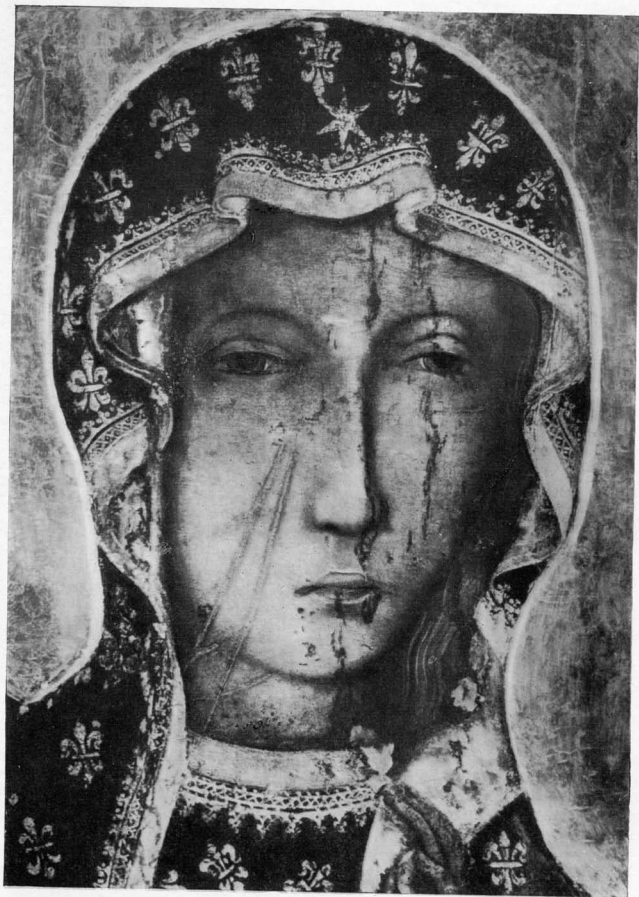
⁹ Повесть о победе новгородцев над суздальцами. — «Памятники старинной русской литературы», т. I. СПб., 1860, стр. 242.

¹⁰ ПСРЛ, т. XXI, 1-я пол. СПб., 1908, стр. 233.

¹¹ Подробнее об этом см.: Н. Н. В о р о н и н. Из истории русско-византийской церковной борьбы XII в. — «Византийский вестник», т. XXVI. М., 1965, стр. 198—201.

Ченстоховская икона Богоматери. Ясногорский монастырь в г. Ченстохове. Польша.

Голова Богоматери. Деталь Ченстоховской иконы.

мы не наблюдаем: Андрей Боголюбский, согласно рассказу о «чуде», сразу направился во Владимир (я оттоле дошел близ града Владимира и егда быша на рече на Клязьме, и ту стаха коня). Но характерно, что во включенном в 1767—1770 годах игуменом Аристархом в Летописец монастыря другом предании говорилось о первоначальном намерении князя Андрея поместить икону не во Владимир, а в Ростове. Во Владимир икона попала только после воздействия «боголюбского чуда»¹². При таком варианте предания история Ченстоховской иконы еще более сближается с владимирской. Подобный эпизод, согласно монастырским преданиям, повторяется с Ченстоховской иконой и позже, в 1430 году, когда Ченстохову захватили табориты. Воз, на котором они увозили из монастыря награбленные ценности, в том числе и икону, не двигался с места, пока с него ее не сбросили¹³. При этом один из таборитов нанес по иконе удары саблей. Сброшенная с воза икона раскололась на три части.

Таким образом, мы имеем чрезвычайно интересный в истории культурных взаимосвязей случай: вместе с произведением искусства из одной страны в другую перекочевывают и литературные мотивы. Популярны на Руси сказания об иконах как бы сопровождают Ченстоховскую икону в ее передвижении по Галиции и Польше.

К сожалению, остается совсем не выясненной история почитания на Руси богородичной иконы, перенесенной затем в Ченстохову. Древние русские святцы и месецесловы не упоминают о ней. В печатных же месецесловах XIX века день ее почитания — 6 марта, тогда как по католическим календарям — 27 августа. Празднование 6 марта, скорее всего, установлено как книжная догадка. Именно под этим числом в месецесловах значится обретение императрицей Еленой креста в Иерусалиме, с чем легенда связывает и находку нашей иконы. Установление определенного дня празднования иконы произошло, видимо, в связи с тем, что в 1813 году после взятия русскими войсками Ченстоховы в Казанском соборе в Петербурге была поставлена копия иконы¹⁴.

Но вернемся к рассмотрению самой иконы. Можно сказать, что как памятник византийской и древнерусской живописи «Ченстоховская икона» в настоящее время не существует. В 1434 году она была фактически написана заново на старой доске. Под ныне существующей живописью, как показало исследование реставратора Р. Козловского¹⁵, нет ни малейших остатков первоначальной живописи. Даже сам грунт наложен был на доску заново. Столь радикальная переделка иконы была вызвана ее фактическим разрушением во время оккупации Ченстоховы икоборцами-таборитами в 1430 году, о чем уже упоминалось. Когда в 1434 году икона была привезена в Краков, для ее реставрации были приглашены живописцы, работавшие в «греческой манере», т. е., несомненно, мастера из украинских и белорусских земель. Их услугами в Польше пользовались и раньше: в 1418 году они расписали костел в Люблинском замке, в самом начале XV века — коллегату в Вислице, а возможно еще ранее — в Гнезно. Все их попытки прописать икону по сохранившимся контурам не дали результатов: накладывавшиеся ими краски осыпались¹⁶. Если мы примем во внимание существующее в науке предположение о том, что первоначальная икона была написана восковыми красками, это столь поразившее современников чудо станет понятным; только после наложения нового грунта живописцы смогли написать икону заново. Но в этой новой по существу иконе было уже чрезвычайно мало от «греческой манеры».

¹² «Летопись Боголюбова монастыря». — ЧОИДР, 1878, кн. 1, стр. 3—4.

¹³ «Ченстоховская чудотворная икона Богородицы». Вильна, 1881, стр. 20—21.

¹⁴ Там же.

¹⁵ R. K o z ł o w s k i. Tajemnica obrazu jasnogórskiego. — *Sprawozdania Polskiej Akademii Umijetności*, t. 53. Kraków, 1952, str. 333.

¹⁶ S. S z a f r a n i e c. Op. cit., s. 13.

Видимо, отчаявшись исправить икону, западнорусские мастера уступили свое место другим. Откуда происходили эти новые живописцы, сказать трудно. Можно предположить, что они создали изображение в духе готической живописи того времени. Историки польского искусства расходятся во мнениях, пытаясь определить стиль живописной школы, к которой следует отнести ныне существующую икону. М. Валицкий полагал, что икона возникла в окружении Людовика Венгерского¹⁷, С. Томкович видел в ней черты римской школы¹⁸, а К. Перадзска—сиенской¹⁹. Для нас в данном случае становится ясно, что икона стилистически стала далекой от византийских и древнерусских традиций. Но в то же время нельзя не отметить, что икона в основной своей схеме воспроизводила иконографический тип утраченного изображения. Она и в современном своем виде может быть определена как икона типа Одигитрии. Древнюю икону Одигитрии, византийский прототип которой, вероятно, погиб в начале XIII века, чрезвычайно почитали в Константинополе как его заступницу и покровительницу. Византийские императоры брали эту икону с собой в походы²⁰. По поводу нее уже в VIII веке было зафиксировано предание об авторстве евангелиста Луки, потом, по-видимому, легко перешедшее и на копии древнего образа²¹. Как отмечает Н. П. Кондаков, тип Одигитрии уже в VI веке был распространен в разных списках, сохраняя, однако, довольно точно основные черты прототипа²². Перенесение же на копии преданий, связанных с оригиналом, представляется в связи с этим закономерным.

Иконографически Ченстоховская икона особенно близка к византийской иконе конца X — начала XI века, находящейся в римской церкви Марии Маджоре²³, и мозаичной иконе XII века в сербском хиландарском монастыре на Афоне²⁴. Как и на других иконах типа Одигитрии, на Ченстоховской иконе младенец-Христос сидит на левой руке Богоматери, подняв к ней голову. В руке младенца книга, что не характерно для чисто византийских и русских изображений Одигитрии. Такого рода варианты Одигитрии чаще встречаются на Западе. К ним относятся названная уже икона в Риме, фреска XIII века в церкви Свята Мария дель Сарбо в Компльняно²⁵, икона XVI века в Витербо²⁶, икона 1679 года кисти Константина Тзанеса, хранящаяся в церковном музее Дубровника²⁷. Указанная особенность современного облика Ченстоховской иконы может свидетельствовать о том, что мастера, работавшие над ней в Кракове в 1434 году, были так или иначе связаны с западной традицией.

В Ченстоховской иконе можно отметить и совершенно особые, только ей присущие черты. На правой щеке мастера в 1432 году воспроизвели живописными средствами две полосы, оставшиеся на древнем образе от удара по нему саблей. Мастера старались даже кое в чем подражать живописным приемам своих предшественников, работавших в технике энкаустики. Это хорошо видно по характеру белых линий на губах, носе и бровях лица Богоматери. И главное: свет на иконе падает слева точно так же, как на произведениях энкаустики (фаюмском портрете и

¹⁷ M. Walicki. Malarstwo polskie. Warszawa, 1961, str. 292.

¹⁸ S. Tomkowicz. Obraz Matki Boskiej Częstochowskiej. «Prace Komisji Historii Sztuki», t. 4, 1930, str. 135, 137.

¹⁹ K. Pieradzka. Fundacja Klasztoru Jasnogórskiego w Częstochowie w 1382 r. Kraków, 1939, str. 51—53.

²⁰ Н. П. Кондаков. Иконография Богоматери, т. II. Пр., 1915, стр. 156.

²¹ Там же, стр. 153.

²² Там же, стр. 156.

²³ Там же, стр. 77.

²⁴ S. Radójević. Ićone da Serbie et de Macedonie. Belgrad [s. a], pl. 2.

²⁵ V. Lasareff. Studies in the Iconography of the Virgin.—«The art Bulletin», v. XX, N 1. New York, 1938, fig. 48.

²⁶ Н. П. Кондаков. Указ. соч., т. II, стр. 180, пnc. 80.

²⁷ V. J. Djurić et S. Radójević. Ićone de Jougoslavie. Belgrade, 1961, pl. 65.

древнейших иконах), независимо от поворота головы. Отметивший эту особенность фаюмского портрета А. Стрелков указывает также, что в нем «неосвещенная, покрытая тенью левая сторона носа, передается в виде довольно толстой линии, постепенно сливающейся с левой бровью...»²⁸. Точно такой же живописный прием можно видеть и в Ченстоховской иконе.

Перед нами явный имитационный прием. В использовании его мастера, трудившиеся над возрождением Ченстоховской иконы, были не одиноки. Именно в конце XIV — начале XV века в Византии (прежде всего на Афоне) и на Руси нередко прибегают к подобного рода приемам при копировании особенно чтимых икон. Списки с икон делались и в другие периоды. Всегда при этом в списках хотели видеть «точный список» со святыни, но это нередко сводилось к иконографической точности воспроизведения, не затрагивая чисто художественных приемов. В XIV—XV веках прибегали к имитации и этой стороны памятника. Характерным примером могут служить копии «Тихвинской Богоматери» (тоже типа Одигитрии), создававшиеся в XV веке, которые позволяют восстановить первоначальный вид оригинала.

Мы не знаем, кем были те мастера, которые напгсли Ченстоховскую икону в том виде, как она существует сейчас, но нельзя не обратить внимания на причастность их к практиковавшемуся на Руси и Византии подражательному копированию оригинала.

История Ченстоховской иконы Богоматери—яркий, но не единичный пример византийско-польско-русского общения в области изобразительного искусства в эпоху средневековья. Идет своего исследования в этом плане и прославленная остробрамская икона в Вильнюсе. По преданиям, она попала туда из Херсонеса, видимо, пробыв некоторое время в Витебске. В польских костелах (например, в Кракове и Шамогалах под Познанью) и сейчас еще хранится немало русских икон, окруженных всевозможными преданиями и легендами. Польские музеи наряду с богатыми собраниями украинских икон из Саночки и Перемышльской земель украшают и явно русские по происхождению иконы. Изучая их, мы не только исследуем памятники древнерусского искусства, но и раскрываем еще одну страницу в истории общения двух славянских народов.

²⁸ А. Стрелков. Фаюмский портрет. М.—Л., 1936. стр. 30.